

ВГЛЯДЫВАЯСЬ В ПРОШЛОЕ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИЗЫСКАНИЙ

**Александр
Львович
ИВЛИЕВ,**
кандидат исто-
рических наук

**Николай
Александрович
КЛЮЕВ,**
кандидат исто-
рических наук

Археологические исследования являются одной из важных составляющих научной деятельности института, подчеркивая наряду с работами в области этнографии, востоковедения, отечественной и всеобщей истории, комплексный ее характер. За прошедшие 35 лет со времени создания института в развитии археологии есть несколько знаменательных вех как в организации исследований, так и в их проблематике. Первая из них связана с периодом 1971—1994 гг., когда окончательно организационно оформились два основных направления исследований — в области первобытной и средневековой археологии. Именно в них с течением времени сформировались как ученые, а многие как научные лидеры почти все археологи института.

Логика развития науки в современном мире подразумевает растущую специализацию и дифференциацию исследований. Это напрямую связано с расширением их предмета и объекта, появлением серии новых методов, позволяющих заниматься углубленным изучением отдельных проблем. Все эти тенденции проявились и в нашем институте, и не случайно, что основным содержанием второго периода развития археологии, начавшегося в 1993—1994 гг., стало создание и функционирование специализированных лабораторий и секторов, занимающихся первобытной и средневековой археологией региона, сформулированных

в виде ряда научно-исследовательских программ. Следует отметить, что инициатором таких преобразований выступила дирекция института, ее поддержали археологи, так как учитывали сложившуюся ситуацию как в нашем учреждении, так и реальную практику организации научных работ в мире. Прошло 10 лет. Это было время очень непростое для страны в целом и науки, в частности. Напомним, что с 1991 г. прекратилось бюджетное финансирование полевых работ археологов, централизованное пополнение их материально-технической базы — той основы, на которой держится весь фундамент наших исследований. Несмотря на это, археологи не только не ослабили, но сумели активизировать свои исследования, о чем говорит растущий объем полевых работ и количество публикаций.

Типы публикаций	1996—2000 гг.	2001—2005 гг.
Индивидуальные монографии (М., СПб., за рубежом)	—	3
Коллективные монографии (М., СПб., за рубежом)	5	6
Индивидуальные монографии (прочие)	7	5
Коллективные монографии, сб. статей и докл.	14	11
Учебные и учебно-методические пособия	—	7
Публикации в центральных российских и зарубежных реферируемых изданиях	23	41
Публикации за рубежом	99	111

Следует заметить, что число научных сотрудников в отделе археологии за указанные годы практически не изменилось, но археологи научились привлекать внебюджетные источники для финансирования своих исследований, они чаще других в институте получают гранты. Характерная черта прошедшего научного периода — это вовлечение наших региональных исследований в русло мировой археологии и прежде всего археологии Восточной Азии. Не случаен в этом плане интерес специалистов смежных государств, которых привлекают не только открытия археологов Приморья, но и возможность корректного проведения сопоставительных анализов по многим общим проблемам древней и средневековой истории, что закономерно помогает реализации совместных научных проектов. Наши археологи работают

в тесном контакте со специалистами Японии, США, КНР, Республики Корея, Австралии, Монголии и других стран. Формы сотрудничества разнообразны и включают в себя проведение совместных археологических экспедиций, стажировки специалистов, обучение в аспирантуре, организацию международных конференций, публикацию в соавторстве итогов работ.

Подводя итоги последнему десятилетию, следует выделить основные моменты. Во-первых, археологические подразделения института оригинальны в своих исследованиях, разрабатывая комплекс актуальных проблем от палеолита до средневековья. Во-вторых, исследования проводятся на современном научном уровне, о чем говорит широкое использование методов естественных наук и получаемые результаты. Новые методы как в полевой практике, так и в лабораторных работах — главное в сегодняшней археологии. Сегодня не стоит удивляться многим публикациям по археологии, в подготовке которых принимают участие специалисты различного профиля. Постоянное совершенствование методов естественных наук позволяет получать из археологического материала такую информацию, которая была невозможна в еще недалеком прошлом.

Как справедливо заметила И.С. Жущиховская, в археологии Дальнего Востока существует самостоятельное направление комплексной реконструкции традиций гончарства, основанной на использовании методов естественных наук, экспериментального подхода, аналитической классификации форм керамики. Гончарство рассматривается как производственная деятельность в пространственно-временной динамике и в контексте структуры древнего общества. В рамках современного периода произошла эволюция в области изучения археологической керамики, а именно — от группировки материалов по характерным признакам — к интерпретации их внутренней сути [Жущиховская И.С., 2004, с. 11]. Основываясь на этих принципах, И.С. Жущиховская рассмотрела историю гончарства российского Дальнего Востока в эпоху первобытности, причем сделано это было на широком сопоставительном фоне. Итогом стала публикация двух обобщающих монографий [Жущиховская И.С., 2004; Zhushchikhovskaya I.S., 2005].

Другим направлением исследований, основанном на широком применении методов естественных наук, является изучение археологических культур в экологической парадигме. В рамках нашего

Э.В. Шавкунов. Фото 1993 г.

института это новое для региона, да и для страны в целом направление представлено прежде всего работами лаборатории палеоэкологии человека, возглавляемой Ю.Е. Вострецовым. В результате выявлены долговременные тенденции культурной эволюции населения Приморья от неолита до железного века и их зависимость от изменения окружающей среды.

Новым и весьма перспективным направлением в археологии Юга Дальнего Востока являются исследования в области экспериментальной археологии и трасологии. Качественное ускорение подобным работам в последние годы дало применение сверхмощных микроскопов, позволяющих не только точно устанавливать функции различных орудий, но и конкретно определять, для чего они использовались (*use-wear analysis*) (работы Н.А. Кононенко).

Сегодня получен ряд важнейших научных результатов, далеко выходящих за рамки археологии региона. К числу таких результатов следует отнести разработку проблем первоначального освоения человеком Юга Дальнего Востока, появления здесь производящего хозяйства, эволюции керамического производства, теоретических и практических аспектов формирования и развития раннесредневековых государств и ряда других.

Исследование проблем первоначального освоения Приморья человеком ведут сотрудники лаборатории археологии эпохи камня и палеометалла (руководители Н.А. Кононенко, Н.А. Ключев). В рамках научной программы изучаются вопросы формирования культурных общностей палеолита и динамики их развития с выявлением особенностей переходного периода от палеолита к неолиту. Многолетние полевые исследования были проведены на верхнепалеолитических памятниках долины р. Зеркальной (стоянки Устиновка-3, 6, 7). Итогом стала публикация коллективной монографии «Охотники-собиратели бассейна Японского моря на рубеже плейстоцена—голоцена» [2003], в которой представлена авторская концепция культурно-исторического развития первобытного населения Юга Дальнего Востока в конце плейстоцена — начале голоцена (хронология, периодизация, динамика развития каменной индустрии, модели адаптации, культурные связи), учитывающая общие тенденции эволюции верхнепалеолитических культур Восточной Азии.

Раскопки шли и на других интересных памятниках верхнего палеолита Приморья — Рисовое-1, Нововарваровка-1, Молодежная, Шекляево-6, стоянка в пещере Сухой, — материалы которых позволили лучше представить динамику освоения человеком региона. В результате проведенных широкомасштабных разведочных работ была открыта и изучена серия новых стоянок эпохи верхнего палеолита, что вывело лабораторию на ведущие позиции в исследованиях этого периода и существенно увеличило фонд источников. Показательны в этом плане исследования в верховьях р. Илстой, где в непосредственной близости от коренных выходов сырья для производства каменных орудий — обсидиана, было выявлено 10 новых стоянок и мастерских. Эти работы проводятся в рамках реализации совместного российско-австралийского проекта по изучению системы древнего обмена обсидианом на Дальнем Востоке России и решают не только конкретные задачи, но и более общие, связанные с исследованием роли обмена в социальной жизни первобытных сообществ.

При исследовании археологических памятников переходного периода от палеолита к неолиту впервые в Приморье на стоянке Устиновка-3 была обнаружена керамика, что явилось реальным подтверждением вхождения региона в Восточноазиатский центр древнего керамического производства.

Археологи В.Д. Леньков и др. на раскопках на о. Беринга. Фото 1981 г.

В последние годы активизировались исследования на памятниках неолита Приморья. К числу несомненных открытий следует отнести получение прямых доказательств существования земледелия у населения региона в этот период в виде находок на памятниках зерен культурного проса. К настоящему времени таких памятников в Приморье известно 5: 4 из них раскапывались сотрудниками института (Новоселище-4, Кроуновка-1, Шекляево-7, Дворянка-1), а пятый (Реттиховка-геологическая) при их участии. Долгое время вопрос о времени появления производящего хозяйства в регионе был дискуссионным, так как решался на основании косвенных данных. Сейчас положение изменилось, чему во многом способствовало применение в полевой практике метода водной флотации культурного слоя, позволившего получать карбонизированные остатки карпологического материала.

Древнейшее земледелие в Приморье, по современным данным, датируется возрастом около 5000 л.н. [Вострецов Ю.Е. и др., 2003].

Специальной разработкой проблемы взаимодействия человека и растительного мира, начиная с эпохи неолита, занимается Е.А. Сергушева, используя в своих исследованиях методы археоботаники. В результате собрана и изучена богатейшая коллекция растительных остатков с археологических памятников Приморья, аналогов которой нет не только на Дальнем Востоке, но и в таких странах, как КНР, КНДР и Республика Корея.

Не менее важными итогами изучения неолитических памятников Приморья стали выводы о культурной динамике в этот период. За последние годы произошла существенная корректировка взглядов по поводу определения понятия «зайсановская археологическая культура», выявлены новые группы памятников, близких рудинской культуре, но имеющих свой культурный облик, пересмотрено стадияльное положение маргаритовской культуры.

Касаясь зайсановской культуры, следует заметить, что практически одновременно группой ученых (О.В. Яншина, Н.А. Клюев, Ю.Е. Вострецов) было предложено новое понимание ее феномена. Первые два исследователя, опираясь в своих работах на культурологический подход, ввели термин «зайсановская неолитическая общность», подразумевая под ней группу родственных, но самостоятельных археологических культур [Яншина О.В., Клюев Н.А., 2005], существовавших на территории Приморья в период позднего неолита. Ю.Е. Вострецов в своих выводах активно использовал экологический подход, рассматривая культуру прежде всего как адаптивную систему. Он вводит понятие «зайсановская культурная традиция» и время появления ее в Приморье связывает с началом суббореального периода голоцена [Вострецов Ю.Е., 2005], когда климатические изменения вынудили земледельцев-зайсановцев переселиться на новые, более благоприятные территории. Обе группы исследователей в своих выводах опирались на новые материалы, полученные в ходе исследования таких памятников, как Анучино-14, Шекляево-7, Алексей-Никольское-1, Кроуновка-1, Зайсановка-7 и др.

Несомненной удачей археологов института стали исследования нового многослойного памятника Приморья — поселения Шекляево-7. Он дал богатейший археологический материал, характеризующий практически все известные культуры неолита

В.Э. Шавкунов ведет экскурсию в отделе археологии музея. Фото 2001 г.

региона. Был обнаружен ряд уникальных находок, в числе которых следует назвать не имеющее аналогов пряслице с сюжетным рисунком на одной из его сторон. Анализ материалов памятника выявил ряд вопросов о взаимодействии таких культур как бойсманская и руднинская, руднинская и зайсановская [Клюев Н.А., Кононенко Н.А., Яншина О.В., 2003]. Исследование именно этого памятника дало первые реальные аргументы для выделения новой культурной группы среднего неолита Приморья — шекляевской. Последующие работы на памятниках Дворянка-1 и Новотроицкое-2 подтвердили эти предположения.

Весьма информативными оказались итоги исследований на другом памятнике неолита Приморья — поселении Дальний Кут-15, расположенном в Северном Приморье. Материалы памятника показали, что этот район Приморья, вероятно, входил в ареал вознесеновской культуры позднего неолита Нижнего Амура [Клюев Н.А., Гарковик А.В., 2002].

Дискутировался также вопрос о периодизации маргаритовской археологической культуры. Считалось, что именно маргаритовские памятники открывают эпоху бронзы в Приморье. Исследования керамической посуды показали, что в маргаритовских памятниках отсутствуют черты, присущие культурам, знакомым

с металлом. По основным показателям маргаритовские керамические коллекции укладываются в рамки неолитического круга памятников Приморья, свидетельством чего стали температура обжига, морфоструктурные признаки керамических емкостей, особенности декора [Жущиховская И.С., 1996; Яншина О.В., 2001]. В 2000-е годы в результате работ на ряде новых памятников маргаритовской культуры на юго-восточном побережье Приморья (Преображение-1, Заря-1, 3), анализа их стратиграфии, типологии материала, получения серии радиоуглеродных дат к такому же выводу о стадийном положении маргаритовской культуры пришли и другие исследователи [Cassidy J., Kononenko N., Sleptsov I., Ponkratova I., 2003]. В то же время приведенные факты могут говорить о маргаритовской культуре как культуре переходного периода от неолита к палеометаллу.

Значительное место в исследованиях археологов института занимают проблемы палеометалла Приморья (работы Ю.Е. Вострецова, И.С. Жущиховской, Н.А. Ключева, Е.В. Сидоренко, О.В. Яншиной). Исследовались такие памятники, как Зайсановка-2, Кроуновка-1, Анучино-4, 14, Дворянка-1, Дальний Кут-15, Ветродуи, Куналейское городище и др. Работы последних лет, подкрепленные тщательным анализом материалов уже известных, позволили по-новому взглянуть на проблему выделения и характеристики археологических культур. Выясняется, что памятники эпохи бронзы появляются и широким фронтом распространяются по всей территории континентального и Северо-Восточного Приморья на рубеже 2 и 1 тыс. до н.э. Вместе с ними в Приморье впервые проникает металл — бронза. В культурном отношении эти памятники представлены несколькими родственными группами: *лидовско-типневайской* и *суворовской* в Восточном Приморье, *анучинско-синегайской* и памятниками типа *Чернятино-2* в континентальной части Приморья. В разных исследованиях эта культурная общность получила название синегайско-лидовской [Жущиховская И.С., 1996] или анучинско-суворовско-лидовской [Яншина О.В., 2001]. Объединяющим признаком является использование в керамическом производстве формовочных масс, изготовленных по двум рецептам: глина + минеральный отошитель; глина + пресноводный моллюск. Традиция отошения керамики пресноводной органикой не характерна для культур Приморья и поэтому считается пришлой [Жущиховская И.С., 1996; 2004].

Археологи. 1-й ряд (слева направо) Е. Шкрябина, О. Дьякова, Л. Гусева.
2-й ряд (слева направо) О. Тарасов, В. Шавкунов, Е. Сидоренко.
Фото 2006 г.

Л.В. Конькова, применяя спектральный и металлографический анализ, изучила изделия из бронзы с археологических памятников Приморья и Приамурья. В итоге исследователь пришла к выводам, что Юг Дальнего Востока входил в восточный ареал распространения карасукских бронз; этот регион не является районом первичного освоения металлообработки [Конькова Л.В., 1989, с. 41]. Не случайно поэтому, что находки изделий из бронзы на памятниках Приморья крайне редки. Так, на широко раскопанном поселении Анучино-14 обнаружено только три небольших обломка артефактов из этого металла, но даже эта коллекция является второй по численности за все годы исследований памятников эпохи бронзы в регионе.

В археологии палеометалла Приморья еще достаточно «белых пятен». Реально ждать выделения новых культурных групп па-

мятников. Одна из них, видимо, располагалась в Северном Приморье. Раскопки памятника Дальний Кут-15 дали типологически выдержанный археологический комплекс. Особенностью этой группы является орнаментация посуды в области основания горловины горизонтальными рядами ямочных оттисков, часто в сочетании с небольшими налепными шишечками. Специфичны и узоры в виде горизонтального зигзага, нанесенные на горловины сосудов [Клюев Н.А., Гарковик А.В., 2002].

Ждет своей культурной атрибуции и могильник, обнаруженный на памятнике Дворянка-1 в Западном Приморье. Было раскопано два вторичных захоронения, одно из которых располагалось на дне каменного ящика. Погребальный инвентарь оказался крайне скудным, но конструкция каменного ящика, способ захоронения находят аналогии в памятниках бронзового века соседних регионов Китая.

Археологическое изучение Бохая на Юге Дальнего Востока России началось фактически в 50-е годы прошлого века. Публикация А.П. Окладниковым материалов исследований японскими археологами остатков бохайской Верхней Столицы в Дунцзинчэне предоставила отечественным археологам эталонные материалы для выявления памятников этого государства на территории Дальнего Востока [Окладников А.П., 1957]. За описанными в книге А.П. Окладникова «Далекое прошлое Приморья» исследованиями бохайских памятников в окрестностях Уссурийска последовали новые открытия, сделанные Э.В. Шавкуновым в 60-х годах XX в.: раскопки Абрикосовского храма, обследование Краскинского городища в Хасанском районе и обнаружение бохайского культурного слоя на Новогордеевском городище в Анучинском районе. Таким образом, Э.В. Шавкунову принадлежит приоритет открытия и научного доказательства расположения на территории Приморского края памятников государства Бохай (698—926). Его книга «Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье» [1968] стала первой отечественной работой, в которой данные археологических исследований были увязаны с историческими записями о Бохае. Начатое Э.В. Шавкуновым исследование в 1970—80-х годах было продолжено Л.Е. Семениченко и В.И. Болдиным. Раскопки памятников бохайской культуры — городищ и поселений — в долинах рек Арсеньевки и Илистой (Новогордеевское городище и селище, городища Николаевское-1

Археологи. 1-й ряд (слева направо) А. Гарковик, П. Рябченко, О. Галактионов,
2-й ряд (слева направо) И. Пантюхина, Д. Ким,
3-й ряд (слева направо) А. Гладченков, Н. Ключев. Фото 2006 г.

и Николаевское-2) позволили выделить ранний и поздний этапы развития этой культуры и предположить имеющиеся в ней локальные варианты [Болдин В.И., Семениченко Л.Е., 1978]. В 80-х годах в Октябрьском и Анучинском районах В.И. Болдин вел раскопки селищ Корсаковское-1, Константиновское-1 и Новогордеевского городища, где впервые были обнаружены жилища с отопительным устройством — каном [Болдин В.И., Ивлиев А.Л., Хорев В.А., Шавкунов В.Э., 1990]. На Новогордеевском городище раскопки позволили уточнить атрибуцию слоев и сооружений Бохаю и времени чжурчжэньской империи Цзинь [Болдин В.И., Ивлиев А.Л., 1989]. Результаты исследований Бохая в Приморье в 60—80-х годах прошлого века, равно как и сложившиеся на то время представления об этом государстве и его роли в истории Юга Дальнего Востока России были опубликованы в коллективной монографии сектора археологии средневековых государств

ИИАЭ НДВ ДВО РАН «Государство Бохай и племена Дальнего Востока России» [1994].

Новый этап в изучении Бохая в Приморье начался в 90-е годы XX в. с регулярных раскопок Краскинского городища и открытия бохайских погребений. Раскопки Краскинского городища, которое определяется как центр округа Яньчжоу Восточной столицы Бохая, начатые в 1980 г., имеют большое значение для археологического изучения Бохая, так как предоставляют классические материалы для сравнения с материалами других памятников, они дали много новых данных по бохайской культуре. Расположенный всего в 70 км от городища Баляньчэн — Восточной столицы Бохая Лунъюаньфу — этот памятник как никакой другой в Приморье был близок к центральным землям этого государства и находился на территории одного из столичных округов. Здесь в ходе раскопок был обнаружен буддийский храмовый комплекс, окруженный стеной на каменном основании, включающий в себя фундаменты храма с остатками черепичной крыши, квадратный в плане каменный фундамент сооружения вроде колокольной башни, остатки печей для обжига черепицы, каменный колодец, подземную камеру со стенами, сложенными из черепицы. За пределами стены храмового комплекса в верхнем горизонте обнаружено жилище с отопительной системой — каном. Одна из интереснейших находок — типичный для киданей сосуд — была сделана в колодце. Этот сосуд указывает на кратковременное присутствие здесь киданей, завоевавших Бохай в 926 г. [Гельман Е.И. и др., 2000; Болдин В.И. и др., 2001]. Разрез городского вала показал, что внешняя и внутренняя стороны вала были сложены из каменных блоков, а пространство между этими кладками заполнено землёй.

Учитывая данные по другим бохайским городищам в Приморье, можно заключить, что каменные стены вообще характерны для фортификации бохайских городов этой зоны [Ивлиев А.Л. и др., 1998]. Наличие на Краскинском городище культурного слоя толщиной около 2 м и не менее трёх строительных горизонтов, образовавшихся примерно за 200 лет существования города, позволяет изучать бохайскую культуру в динамике её эволюции от раннего к позднему этапам. В частности, именно Краскинское городище послужило базовым памятником для разработанной Е.И. Гельман периодизации бохайской черепицы [Гельман Е.И., 2003].

Археологи. Сидят (слева направо) А. Санникова, Ж. Андреева, стоят (слева направо) Е. Воробьева, Ю. Вострецов. Фото 2006 г.

К середине 90-х годов XX в. в Приморье обнаружены и раскопаны пять буддийских храмов (кумирэн) бохайского времени. Кроме Краскинского — Копытинский, Абрикосовский, Борисовский и Корсаковский в Уссурийском районе. Мнения исследователей о датировке и относительной периодизации этих храмов весьма расходятся. Так, Э.В. Шавкунов на основании типологии декора концевых дисков черепицы датировал Копытинский храм первой половиной VIII в., а Абрикосовский — серединой, или второй половиной VIII в. При этом черепицу Борисовского храма он считал более ранней, чем Абрикосовская, и более поздней, чем Копытинская [Шавкунов Э.В., 1996, с. 140—141]. И.В. Колзунов на основании специфики формы и декора украшения конька крыши — *чивэнь* — сделал вывод о датировке Абрикосовского храма временем империи Ляо (X—XII вв.) [Колзунов И.В. 1996]. В.Е. Медведев в прекрасно изданной полной публикации материалов раскопанной им в 1972 г. Борисовской кумирни считает её наиболее ранней, располагая время строительства бохай-

ских буддийских храмов Приморья в следующей последовательности: Борисовский — Копытинский — Корсаковский — Абрикосовский и Краскинский. При этом он полагает наличие большого временного разрыва между группой из первых трех и двумя последними [Медведев В.Е. 1998, с. 461—462]. Здесь можно было бы отметить, что отнесенная Э.В. Шавкуновым в один тип с абрикосовской черепица из Цзучжоу происходит из остатков города Цзучжоу, построенного в X в. при мавзолее первого киданьского императора Елюя Абаоцзи. Несомненно, она сделана в бохайской традиции переселенными туда бохайскими мастерами, но она никак не может быть ранее 926 г., что указывает на сомнительность датировки VIII в. близкой к ней абрикосовской черепицы. Наконец, Е.И. Гельман, основываясь на эволюции хвостовых частей верхней бохайской черепицы и стратиграфии залегания этой черепицы на Краскинском городище, предлагает следующую последовательность существования буддийских храмов: Копытинский — Абрикосовский — Борисовский и Корсаковский при одновременном со всеми ими существовании разных строений Краскинского городища [Гельман Е.И., 2003]. Видимо, окончательное решение вопроса датировки буддийских храмов будет достигнуто по мере накопления новых материалов.

Представляют интерес и раскопки горного городища Синельниково-1 в Октябрьском районе, так как наряду с Чернятинским могильником это пока только два известных в Приморье памятника, на которых слой мохэской культуры перекрывается бохайским [Болдин В.И., 2001; Гельман Е.И. и др., 1999; Болдин В.И. и др., 1998]. Серия строительных горизонтов бохайского времени выявлена в ходе раскопок городища Горбатка в Михайловском районе [Гельман Е.И. и др., 2001; Гельман Е.И., 2002]. Новые материалы по бохайской культуре были также получены в ходе раскопок Марьяновского городища в Кировском районе, Абрикосовского селища и храма в Уссурийском районе и Ауровского городища в Анучинском районе [Шавкунов Э.В., Шавкунов В.Э. 1998; Гельман Е.И., 1998; Шавкунов Э.В. 1997; Шавкунов Э.В., 1998; Шавкунов В.Э., Гельман Е.И., 2002]. Последний из перечисленных памятников отнесен к бохайской культуре постбохайского времени.

Недалеко от городища Синельниково-1 обнаружен могильник Чернятино-5. В Приморском крае это первый могильник, который

Археологи. Сидят (слева направо) С. Саранцева, С. Макиевский, С. Тупикина, стоят (слева направо) Т. Васильева, М. Соболева, Н. Артемьева, С. Прокопец, В. Хорев, С. Василенко, А. Дариенко. Фото 2006 г.

вне всяких сомнений может быть отнесён к бохайской культуре [Никитин Ю.Г., Гельман Е.И., 2002]. Здесь обнаружено свыше 70 погребений в грунтовых ямах, в ямах с вымощенным камнем дном, в каменных склепах. Большинство могил содержит сожженные останки, однако в одном из склепов найдено погребение по обряду трупоположения. По результатам работ на могильнике Чернятино-5 разработана относительная, а отчасти и абсолютная хронология его погребений. При этом самые ранние погребения согласно радиоуглеродным датировкам относятся к рубежу V—VI вв., а самые поздние материалы могильника — к X в. [Никитин Ю.Г., Гельман Е.И., 2002; Никитин Ю.Г., Чжун Сук-Бэ, 2005]. Погребения Чернятинского могильника находят очень близкие аналогии в могильниках центральных земель Бохая на территории провинции Цзилинь. С открытием подобной могилы с каменным склепом возле Краскинского городища в 2003 г. [Никитин Ю.Г., Усуки И., 2004] Чернятинский могильник перестал быть единственным бохайским памятником в Приморье.

В процессе раскопок бохайского городища Горбатка (Е.И. Гельман) выделено пять строительных горизонтов с двумя основными типами жилищ (полужемлянки с очагом и жилища с двухканаль-

ным П-образным каном, с П-образными в сечении дымоходами (кроуновско-когурёского типа). Крепостные валы с каменной облицовкой и четырьмя воротами были возведены не сразу — в период обитания второго снизу горизонта, на что указывал мощный слой наводнения, разрушивший жилища этого горизонта. Исследования показали, что раскопки ведутся в квартале ремесленников, в том числе бронзолитейщиков. В верхнем горизонте были раскопаны остатки колодца, аналогичного тому, что был найден на Краскинском городище. Перед восточными воротами городища наполовину раскопано здание колоннадного типа, располагавшееся на специально подготовленной платформе.

При раскопках городища Горбатка впервые для средневекового памятника Дальнего Востока тотально применялся метод водной флотации и сепарации для заполнения всех жилых и других значимых объектов. В результате получены данные о двенадцати культурных растениях, использовавшихся населением долины р. Илстой в бохайское время. Кроме того, многочисленные фрагменты створок раковин моллюсков (многие из которых извлекались благодаря водной сепарации) позволили проследить стабильное поступление значительного количества морских моллюсков из северной части Амурского залива на городище. Морские моллюски наряду с пресноводными (в том числе жемчужницами) из р. Илстой использовались как для еды, так и для изготовления украшений и других поделок. Глазурованная керамика и фарфор, найденные на городище Горбатка, также указывают на участие населения этого памятника как во внутренних, так и во внешних торговых обменах государства Бохай.

Накопленные новые материалы по бохайской археологической культуре — это актуальный вопрос об отличии её от культур племен, обитавших на периферии этого государства. В 60-е годы прошлого века Э.В. Шавкунов, основываясь на работе выдающегося китайского историка Цзинь Юйфу, определял на территории Приморья около половины бохайских областей, а северо-восточную границу Бохая простирали до низовьев Амура (Шавкунов Э.В. 1968). Однако как распространение характерных для бохайской культуры археологических материалов, так и современные исследования в области исторической географии [Дунбэй лиши дили] не позволяют определять границы Бохая столь далеко на север и на восток. По результатам современных исследований

Археологи. Слева направо: Ю. Васильев, А. Ивлиев, Н. Лещенко, Н. Крадин, Я. Пискарева, Ю. Никитин, Е. Гельман, В. Стрембицкий, В. Болдин. Фото 2006 г.

на территории российского Приморья из описанных в «Повествовании о Бохасе» «Синь тан шу» областей и округов, несомненно, находились область Шуайбинь в долине р. Раздольной и округ Яньчжоу области Лунъюаньфу Восточной столицы в южной части Хасанского района (Краскинское городище). Центром области Шуайбинь, вероятнее всего, было городище Дачэнцзы в уезде Дуннин провинции Хэйлунцзян. В отличие от считавшегося ранее этим центром Южно-Уссурийского памятника в г. Уссурийске это городище имеет типично бохайские материалы, а по своим размерам — его периметр составляет 3570 м — даже больше городищ—остатков Восточной и Средней столиц Бохая [Чжан Тайсян, 1981]. В целом, территория Бохая в IX в. на востоке выходила на берег Японского моря в южной части Приморского края и на севере Корейского полуострова, далее на северо-востоке она включала в себя верхнее течение р. Уссури, где самым северным бохайским памятником является Марьяновское городище в Кировском районе, на севере её границы уходили за Сунгари в районе уезда Илань провинции Хэйлунцзян.

В археологическом отношении пересмотрен вопрос о бохайской принадлежности Новогордеевского селища в Анучинском районе. На сегодня это самый южный в бассейне Уссури памятник покровской культуры [Гельман Е.И., 2002а]. В свете проблемы разграничения Бохая и окружавших его племен большое значение обретает и находка на Николаевском городище Партизанского района верительной бирки в виде бронзовой рыбки [Шавкунов Э.В., 1989]. На рыбке имеется надпись: «Полководец левой доблестной гвардии Нелицзи». Верительные бирки такого вида были распространены преимущественно в Тан (618—907 гг.) в эпоху Пяти династий (907—959) и отчасти в Ляо (916—1125 гг.). Название «доблестная гвардия» встречается в танскую эпоху. Именно должностью «Левого Великого полководца доблестной гвардии» был пожалован первый бохайский правитель Да Цзо-жун, а потом и его преемники. Должностью «Полководца левой доблестной гвардии» был пожалован брат второго правителя Бохая Да Уи Да Мэньи, бежавший из Бохая в Тан. Пожалование военными должностями (часто в гвардии) с получением мешочка с рыбкой встречается среди отдельных прибывавших с посольствами к танскому двору мохэских вождей. Имена на «цзи» встречаются среди имен посланников разных племен мохэ в Тан. Из этого возможен вывод, что Нелицзи был не бохайским полководцем, а мохэским вождем, получившим должность левого полководца доблестной охраны при танском дворе скорее всего в VIII в., будучи там с миссией. То есть долина р. Партизанской, где расположено Николаевское городище, в то время не входила в пределы Бохая.

Вопрос динамики изменения северо-восточных границ Бохая и отношения центра и периферии в этом государстве на уровне имеющихся к настоящему времени археологических материалов рассматривается в главах вышедшей в 2005 г. коллективной монографии «Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы», написанных соответственно Ю.Г. Никитиным и Е.И. Гельман. Первый из указанных авторов, основываясь на известных данных письменных источников и датирующих материалах различных памятников Приморья, выделяет три этапа расширения бохайской территории, одновременно определяя и многие городища центральной, восточной и северо-восточной частей края как памятники

племён, обитавших на границе Бохая. Е.И. Гельман рассматривает процессы отношения между центрами разных уровней и периферией внутри бохайской территории на основе детального анализа торгового обмена (морепродукты, фарфоровая и глазурованная посуда), организации черепичного и гончарного производств и особенностей их продукции в центральной, полупериферийной и периферийной зонах.

Понимание истоков бохайской культуры и характера отношений между бохайцами и окружавшими его племенами общности хэйшуй мохэ невозможно без изучения мохэской культуры, предшествовавшей Бохаю и существовавшей одновременно с ним. Современные представления о мохэской культуре на Дальнем Востоке России основаны на работах А.П. Окладникова, Е.И. Деревянко, О.В. Дьяковой, С.П. Нестерова. Преимущественно эти работы связаны с Приамурьем. Именно на приамурской керамике О.В. Дьяковой были выделены разные группы мохэских памятников: благословеннинская, михайловская, найфельдская, троицкая, гладковская [Дьякова О.В., 1984]. В настоящее время они рассматриваются как варианты мохэской культуры, а михайловская группа выделена в отдельную культуру. В монографии-сводке мохэских памятников Приморья О.В. Дьякова давала характеристику керамики этих памятников в соответствии с выделенными в Приамурье группами [Дьякова О.В., 1998]. Однако более детальное изучение мохэской керамики в Приморье показало отсутствие сходства между нею и приамурскими группами. Я.Е. Пискаревой выделены семь локальных групп мохэской керамики Приморья, имеющих и определенные хронологические различия [Российский Дальний Восток, 2005, с. 419—438]. При этом на бохайских памятниках выявлены по меньшей мере три совершенно разные традиции изготовления мохэской керамики, характеризующиеся «разными технологическими подходами, своеобразной морфологией и орнаментацией», что «может свидетельствовать о разном составе населения этих памятников» [Российский Дальний Восток, 2005, с. 426].

Результаты археологического изучения бохайских памятников в Приморье пока дают довольно мало материалов для реконструкции социального устройства бохайского общества, хотя данные по различиям погребений Чернятинского могильника — от простых грунтовых могил до каменных склепов, — а также ре-

конструкция иерархии различных бохайских памятников, организации черепичного и гончарного производств [Российский Дальний Восток, 2005, с. 492—509] являются первыми шагами и в этом направлении. Характеристика же бохайского общества по материалам письменных источников сделана Н.Н. Крадиным [Крадин Н.Н., 1990; Государство Бохай, 1994, с. 46—52]. Он же обратил внимание на связь между упоминаемым в тюркских эпиграфках «боклийским каганатом» и первым мохэским государством [Крадин Н.Н., 2005].

Начатые в 60-х годах Э.В. Шавкуновым и возглавляемым им коллективом археологов исследования чжурчжэньских памятников Приморья дали значительные результаты. Основными из них можно считать: выделение памятников чжурчжэньской империи Цзинь, выработку основных критериев в области фортификации и планировки городищ, в характеристиках вещевого материала для отнесения памятников к той или иной эпохе; составление общего свода памятников Приморского края [Хорев В.А., 1978; Памятники... 1982; Памятники... 1991]; детальные исследования и на основе их характеристики основных аспектов хозяйства и быта чжурчжэней — земледелия и животноводства [Болдин В.И., 1976; Болдин В.И., Шавкунов Э.В. 1976; Болдин В.И., Шавкунов Э.В., 1979; Болдин В.И., 1987], металлургии и металлообработки [Леньков В.Д., 1974; Конькова Л.В., 1989], домостроительства [Артемьева Н.Г., 1998], гончарства [Леньков В.Д., 1968; Тупикина С.М., 1996; Гельман Е.И. 1999], обработки стекла, военного дела [Шавкунов В.Э., 1993], а также декоративно-прикладного искусства, мировоззрения, этнокультурных связей и вопросов этногенеза. Всё это нашло отражение в большом количестве статей, диссертационных исследований, а также в монографиях, включая такие, как 1-й том «Истории Дальнего Востока СССР» [1989] и «Культура чжурчжэней-удигэ и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока» Э.В. Шавкунова [1990].

Источниковой базой указанных исследований послужили раскопки горных городищ, в первую очередь Шайгинского городища в Партизанском районе Приморского края. Давшие огромный и богатейший вещевой материал раскопки Шайгинского городища (1963—1992, 2000—2005 гг.) на много лет определили основное направление поисков археологов-медиевистов Института истории,

археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН — раскопки горных городищ чжурчжэней — Екатериновского в Партизанском районе, Лазовского в Лазовском районе [Леньков В.Д., Артемьева Н.Г., 2003], Скалистого в Ольгинском районе, Ананьевского в Надеждинском районе, Красноярского под Уссурийском и некоторых других. Анализ же эпиграфических материалов этих памятников с учётом их незначительного по толщине культурного слоя, свидетельствующего о краткости их существования, и известных исторических событий XII—XIII вв. приводит к выводу о строительстве этих памятников в период государства Восточное Ся (1215—1233 гг.) с целью защиты от угрозы монгольского вторжения. Тогда на территорию Приморья и смежных с ним Восточной Маньчжурии и северной части Корейского полуострова переселилась вместе с войском Пусяня Ваньну большая часть населения Восточной столицы Цзиньской империи [Ивлиев А.Л., 1993]. Очевидно этим и объясняются различия между материалами равнинных городищ вроде Майского в Ханкайском районе и горных. Из этого следует, что культурные и хозяйственные характеристики чжурчжэней в Приморье, сделанные на основе изучения материалов горных городищ, относятся к чжурчжэням Восточного Ся, значительная часть которых была переселена из района долины р. Ляохэ, и не могут достаточно корректно быть отнесены к чжурчжэньскому населению Приморья времени империи Цзинь XII — первого десятилетия XIII в. Для изучения последнего важно исследование равнинных городищ чжурчжэней, которые (Южно-Уссурийское, Майское, Николаевское Партизанского района) существовали длительный период и имеют более ранние по сравнению с горными городищами материалы.

Равнинные городища чжурчжэней XII — начала XIII в. описаны А.П. Окладниковым на примере Южно-Уссурийского памятника [1959]. Исследования, проведенные впоследствии на Николаевском, Майском, Стекланухинском (раскопки А.В. Александрова) и Южно-Уссурийском городищах показали наличие значительного по толщине культурного слоя, указывающего на длительность существования этих памятников. При этом Стекланухинское и Николаевское городища Партизанского района имеют и более ранние слои, по времени соответствующие бохайской и доцзиньской эпохам и раннему железному веку.

Исследователи давно обращали внимание на специфическую керамику с «вафельным» оттиском штампа на целой серии равнинных городищ Приморья — Николаевском Партизанского района, Смольнинском, Стеклянухинском, Чугуевском и др. Однако только в последние годы с накоплением материала появилась возможность выделить эти памятники в отдельную культуру, датируемую X—XII вв. [Шавкунов В.Э., 2005, 2005а; Гельман Е.И., 2006]. Правда, историческая трактовка этой культуры у В.Э. Шавкунова и Е.И. Гельмана различается.

Городища занимают горные отроги, распадки, иногда отдельно стоящие сопки; они строились в труднодоступных местах и также укреплялись валом. В системе укреплений сооружались башни и «карманы» для камнемётных машин. Многие городища за внешней стороной вала имеют дополнительные укрепления. Внутренняя топография весьма сложна: склоны изрезаны искусственными террасами, дорогами. На некоторых памятниках прослеживаются водоемы. Характерная особенность городищ — наличие внутри небольших квадратной формы укреплений-редутов, вероятно, служивших резиденцией военачальника, руководившего строительством города, и обнесенных невысоким валом административных построек. Площадь городищ от 5 до 45 га. На территории наиболее исследованного Шайгинского памятника раскопками выявлены остатки металлургических мастерских, в печах которых плавил железо. Жилые кварталы были застроены усадьбами, состоявшими из жилища каркасно-столбовой конструкции с каном, амбара на девяти столбах-сваях и заключенного между жилищем и амбаром хозяйственного двора [Артемьева Н.Г., 1998]. На ряде городищ (Лазовское, Новогордеевское, Ананьевское) прослежены два строительных горизонта, связанных, соответственно, со строителями памятника и его постоянными обитателями [Хорев В.А., 1990; Болдин В.И., Ивлиев А.Л., 2002, с. 48—50]. Сложнее обстоит дело с Красноярским городищем близ Уссурийска. Здесь прежде всего надо отметить внутренний город, содержащий дворцовые строения, занимающий юго-восточную часть памятника. Он содержит несколько строительных горизонтов и построен явно раньше основной части городища. Разрез вала этого внутреннего города также показал, что он строился в два этапа в разное время [Артемьева Н.Г., 2001; Артемьева Н.Г., 2001а]. Очевидно, внутренний город существовал

ещё в цзиньскую эпоху, а внешний город был построен во времена Восточного Ся.

Из селищ археологическим раскопкам были подвергнуты два: Осиновское в Михайловском районе и Аргановское в Ханкайском районе. На Осиновском селище раскопан ряд жилищ с каннами. Там прослежено три строительных горизонта, отнесенных к XI—XIII вв. [Никитин Ю.Г., 1990, с. 79—88]. Впервые проводивший раскопки на этом памятнике Э.В. Шавкунов на основании сходства найденной там керамики с зеленой глазурью с подобной из столицы Монгольской империи Хар-Хорина определил этот памятник юаньским военным поселением [Шавкунов Э.В., 1973, с. 82; 1990, с. 70].

Однако данное заключение носит гипотетический характер, хотя нельзя исключать того, что поселение могло существовать какое-то время после падения Восточного Ся. Выявление и исследование памятников монгольской империи Юань XIII—XIV вв. здесь ещё предстоит. Начатые в этом направлении работы А.Р. Артемьева, предполагавшего возможность отнесения к юаньскому времени некоторых материалов раскопок остатков буддийских кумирен на Тырском утёсе в низовьях Амура, а также городищ Кокшаровка-1 и Батюки в Приморье [Артемьев А.Р., 2005, с. 155, 171—172], прервались в связи с его трагической гибелью. Пока же можно отметить, что в Приморье есть городища прямоугольной формы с земляными валами без фронтальных башен и предвратных укреплений. Это Новогеоргиевское и Покровское городища в долине р. Раздольной. Покровское городище находится на юго-восточной окраине с. Покровки. В плане имеет форму трапеции, обнесено земляным валом высотой 2,5—3 м, шириной в основании 8—10 м, площадь памятника 6,4 га. Собранные на огородах территории памятника станковая керамика отличается от цзиньской и заставляет предполагать более позднее время существования этого городища (Болдин В.И., Никитин Ю.Г., 1997, с. 26—27). Также в Чугуевском районе на городище Кокшаровка-1 была собрана черепица, вероятнее всего, относящаяся к минскому времени. Это городище имеет произвольную форму, ворота с полукольцевым защитным валом и всего одну башню. В.Э. Шавкунов предполагает, что оно, а также подобное ему расположенное рядом городище Кокшаровка-2 должны относиться к XIV—XVII вв. (Шавкунов В.Э., 2000, с. 171—172).

К сожалению, очень слабая исследованность перечисленных здесь памятников позволяет только предполагать их датировку послецзиньским временем.

В XIX в. на территории края обнаруживались и частично исследовались курганы, предположительно, связанные с чжурчжэньской эпохой. Однако материалы этих исследований, пожалуй, за исключением работ Ф.Ф. Буссе на кургане у с. Никольского (совр. Уссурийск), не сохранились в полной мере, весьма скудны и не позволяют достаточно доказательно их датировать. Наиболее информативным на сегодня является Краскинский могильник, расположенный на побережье бухты Экспедиция у пос. Краскино Хасанского района. Здесь сосредоточено свыше 200 курганов. В кургане, раскопанном в 1993 г. на этом могильнике, обнаружено 7 погребений, сделанных в разное время в одной курганной насыпи. При этом три погребения представляют собой комплексы из могильной ямы с деревянным ящичком для помещения сожженных останков и круглого углубления, в котором помещался деревянный помост, использовавшийся, возможно, для жертвоприношения погребенному. Здесь же отмечены окруженные кольцами из камней кострища, возможно, служившие для кремации. Можно предположить, что курган служил для захоронения членов одной семьи. Археологический материал — керамика, фрагменты фарфоровой и глазурованной посуды, монеты — позволяет датировать раскопанные курганы XII — началом XIII в. [Болдин В.И., Ивлиев А.Л., 1995].

При раскопках горных городищ получены эпиграфические материалы, позволившие получить новые исторические факты, связанные с историей края в чжурчжэньскую эпоху. Эти материалы представлены бронзовыми гирями-эталоном веса различной массы от 1 цзя (около 3,8 г) до 3 цзиней (1,9 кг), относящимися к серии иероглифа «ди» — «земля» и изготовленными в 7-й год эры правления Да-тун правителя Восточного Ся Пусяня Ваньну (Красноярское городище, Шайгинское городище, городище на Известковой сопке, Ананьевское и Лазовское городища, а также случайные находки), железной чашечкой весов с серебряной инкрустированной надписью, содержащей дату: «2-й год эры правления Да-тун», серебряной пайцзой с чжурчжэньской надписью (оба предмета найдены на Шайгинском городище), печатями годов правления Тянь-тай и Да-тун Восточного Ся

[Ивлиев А.Л., 1990; Артемьева Н.Г., Ивлиев А.Л. 2001; Ивлиев А.Л., Хорев В.А., 2006].

Именно эти материалы и позволили увязать горные городища с государством Восточное Ся. Особый интерес представляют серебряная пайцза — такая же описана в японской летописи «Адзума кагами» около 1224 г., что указывает на время ее использования именно в эпоху Восточного Ся [Ивлиев А.Л., 2000], и найденная на Красноярском городище печать Еланьского мэнъяня, датируемая 7-м годом Тянь-тай (1222 г.). Среди скудных записей «Цзинь ши», касающихся этой губернии, сообщается: «Елань и Субинь отстоят друг от друга на 1000 ли, в 11-м году Да-дин (1171 г. — А.И.) император Ши-цзун для того, чтобы обитающим в Субини [Еланьским Ваньянь] нельзя было забыть своих корней, повелел называть управляемый его родственниками [Еланьскими Ваньянь] мэнъянь Еланьским мэнъянем.» (гл. 24, раздел «Губерния Сюйпинь»). Таким образом, упомянутый на печати Еланьский мэнъянь существовал под таким названием в районе современного Уссурийска с 1171 г. на протяжении свыше пятидесяти лет, а фактически входившие в этот мэнъянь еланьские чжурчжэни жили здесь около ста лет со времени их переселения сюда во главе с Ваньянь Чжуном (Эсыкуем) [Артемьева Н.Г., Ивлиев А.Л. 2000; Артемьева Н.Г., Ивлиев А.Л. 2000а]. Наконец, концентрация находок, имеющих даты с указанием эр правления Восточного Ся, на территории Красноярского городища, размеры и планировка этого памятника, вполне сопоставимые с размерами и планировкой городища Южной столицы Восточного Ся возле г. Яньцзи в провинции Цилинь, что указывает на большую вероятность нахождения именно на этом городище столицы Восточного Ся г. Кайюань, и подтверждается также изысканиями китайских историков в области исторической географии [Ван Шэньжун, Чжао Минци 1990: 114—124]. Недавно идентификация Красноярского городища со столицей Восточного Ся получила веское подтверждение в виде найденной в районе Уссурийска восточно-сяской «Печати контролера архива-хранилища Трёх правых министерств» — чиновника одного из высших столичных административных учреждений [Ивлиев А.Л., Лынша В.А.]. Не меньший интерес представляет найденная на Новонежинском городище печать «Помощника *цзедуши* военного посада Чжэньянь» 1214, позволяющая проследить путь войск

Пусяня Ваньну из долины Ляохэ на территорию Приморья [Артемьева Н.Г., Ивлиев А.Л., 2005].

Подводя итоги нашего очерка о достижениях в исследовании средневекового периода в Приморье, отметим, что если в 60—70-х годах XX в. все средневековые памятники Приморья рассматривались в основном как мохэские, бохайские, либо чжурчжэньские (ранне-чжурчжэньские, X — начале XII в. и цзиньские, 1115—1234 гг.), то теперь, к началу XXI в. картина атрибуции памятников к культурам, историческим эпохам и государствам усложнилась, стала значительно более дробной. Наряду с памятниками мохэ, Бохая и Цзинь выделены памятники Восточного Ся, к которым относятся практически все горные городища с чжурчжэньским материалом. На ряде памятников (Синельниково-1, Чернятино-5) выделены как мохэский, так и бохайский горизонты. Выявлены памятники, синхронные существованию Бохая, но выходящие за его пределы, и относящиеся к его периферии, состоявшей из племен общности хэйшуй мохэ. Сделана попытка выделения новой археологической культуры X—XII вв., скорее всего, связанной с чжурчжэнями Приморья догосударственного периода.

Изложенные вкратце итоги работ археологов Института истории за последние 10 лет более развернутое изложение получили в коллективной монографии «Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы», опубликованной в 2005 г. Выход этой книги — этапное событие в археологии региона. В ее создании приняли участие многие ведущие специалисты Дальнего Востока, отразив современное состояние основных проблем первобытной и средневековой археологии этого обширного региона страны.

Каковы же перспективы развития археологии в институте? Во многом они будут зависеть от состояния кадрового потенциала, уровня квалификации исследователей. Между тем, несмотря на более чем вековую историю археологии региона, он остается изученным крайне неравномерно как в хронологическом, так и географическом плане. Не найдены памятники древнее верхнего палеолита, не совсем ясны пути формирования культур раннего неолита. Только в последнее время начато изучение памятников постбохайского времени. В силу слабой изученности Приморья до сих пор здесь реально открытие новых археологических культур, что, кстати, и подтверждают работы современных исследователей.

ЛИТЕРАТУРА

- Артемьев А.Р. 2005.** Буддийские храмы XV в. в низовьях Амура. Владивосток. 202 с.
- Артемьева Н.Г. 1998.** Домостроительство чжурчжэней Приморья (XII—XIII вв.). Владивосток: Дальпресс. 302 с.
- Артемьева Н.Г. 2001.** Фортификационные сооружения чжурчжэней (на примере Красноярского городища) // Древняя и средневековая история Восточной Азии: к 1300-летию образования государства Бохай: материалы междунар. конф. (Владивосток, 21—26 сент. 1998 г.). Владивосток. С. 148—157.
- Артемьева Н.Г. 2001a.** Административный комплекс Красноярского городища // Древняя и средневековая история Восточной Азии: к 1300-летию образования государства Бохай: материалы междунар. конф. (Владивосток, 21—26 сент. 1998 г.). Владивосток. С. 158—172.
- Артемьева Н.Г., Ивлиев А.Л. 2000.** Печать Еланьского мэнъяня // Вестн. ДВО РАН. № 2. С. 109—114.
- Артемьева Н.Г., Ивлиев А.Л. 2000a.** Новые эпиграфические находки из Уссурийска // Российская археология. № 2. С. 165—172.
- Артемьева Н.Г., Ивлиев А.Л. 2001.** Чжурчжэньские эталонные гири из Красноярского городища // Древняя и средневековая история Восточной Азии: к 1300-летию образования государства Бохай: материалы междунар. конф. (Владивосток, 21—26 сент. 1998 г.). Владивосток. С. 132—147.
- Артемьева Н.Г., Ивлиев А.Л. 2005.** О печати из Новонежинского городища // Вестн. ДВО РАН. № 2. С. 19—24.
- Болдин В.И. 1976.** К характеристике сельскохозяйственных орудий с Шайгинского городища // Новейшие археологические исследования на Дальнем Востоке СССР. Владивосток. С. 129—135.
- Болдин В.И. 1987.** О двух видах орудий заготовки и переработки кормов для скота у чжурчжэней // Вопр. археологии Дальнего Востока СССР. Владивосток. С. 160—163.
- Болдин В.И. 2001.** Городище Синельниково-1 — раннесредневековый памятник Приморья // Традиционная культура Востока Азии. Благовещенск. Вып. 3. С. 122—131.
- Болдин В.И., Гельман Е.И., Ивлиев А.Л., Никитин Ю.Г. 2001.** «Интеграция» на Краскинском городище: 4 года исследований // Вестн. ДВО РАН. № 3. С. 74—90.
- Болдин В.И., Ивлиев А.Л. 1989.** О строительных горизонтах чжурчжэньского времени на Новогордеевском городище // Новое в дальневосточной археологии (материалы медиевистов). Южно-Сахалинск. С. 3—7.
- Болдин В.И., Ивлиев А.Л. 1995.** Раскопки Краскинского могильника в Приморье // Обзорение результатов полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 году. Новосибирск. С. 247—249.
- Болдин В.И., Ивлиев А.Л., Хорев В.А., Шавкунов В.Э. 1990.** Новый тип бохайского жилища в Приморье // Материалы по средневековой археологии и истории Дальнего Востока СССР. Владивосток. С. 153—159.

- Болдин В.И., Ивлиев А.Л., Никитин Ю.Г., Гельман Е.И. 1998.** Итоги поиска: Исследования археологических памятников эпохи Бохая в Приморье в 1997 г. // Россия и АТР. Владивосток. № 1. С. 65—71.
- Болдин В.И., Никитин Ю.Г. 1997.** Отчет об археологических разведках в Октябрьском, Уссурийском, Кавалеровском и Чугуевском районах Приморского края в 1996 г. Владивосток // Архив Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Ф. 1, оп. 2, № 398. 240 л.
- Болдин В.И., Семениченко Л.Е., 1978.** Стратиграфия городища Николаевка-II и периодизация бохайской культуры в Приморье // Археологические материалы по древней истории Дальнего Востока СССР. Владивосток. С. 57—63.
- Болдин В.И., Шавкунов Э.В. 1976.** Орудия обработки зерна и способы его хранения у чжурчженей // Сов. этнография. № 2. С. 118—124.
- Болдин В.И., Шавкунов Э.В. 1979.** О характере и роли земледелия в хозяйстве населения Шайгинского городища // Сов. этнография. № 6. С. 122—130.
- Ван Шэньжун, Чжао Минци. 1990.** Дун ся ши (История Восточного Ся). [Тяньцзинь]: Тяньцзинь гуцзи чубаньшэ. 304 с. Кит. яз.
- Вострецов Ю.Е. и др. 2003.** Вострецов Ю.Е., Сергушева Е.А., Комото М., Миямото К., Обата Х. 2003. Новые данные о раннем земледелии в Приморье: неолитический комплекс поселения Кроуновка-1 // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии: материалы междунар. конф. «Из века в век», посвящ. 95-летию со дня рожд. академика А.П. Окладникова и 50-летию Дальневост. археол. экспедиции. Владивосток. С. 373—378.
- Вострецов Ю.Е. 2005.** Взаимодействие морских и земледельческих адаптаций в бассейне Японского моря // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток. С. 159—186.
- Гельман Е.И. 1999.** Глазурованная керамика и фарфор средневековых памятников Приморья. Владивосток. 221 с.
- Гельман Е.И. 2002.** Предварительные итоги исследований городища Горбатка в 2000—2001 гг. // Россия и АТР. Владивосток. № 3. С. 95—98.
- Гельман Е.И. 2002а.** О культурной принадлежности Новогордеевского селища // Археология и культурная антропология Дальнего Востока и Центральной Азии. Владивосток. С. 167—187.
- Гельман Е.И., 2003.** Эволюция бохайской черепицы из буддийских памятников Приморья // Проблемы археологии и палеоэкологии Северо-Восточной и Центральной Азии: материалы междунар. конф. «Из века в век», 11—25 сент. 2003 г. Новосибирск. С. 324—327.
- Гельман Е.И., Болдин В.И., Ивлиев А.Л., Никитин Ю.Г. 1999.** Исследования на Синиловском городище в Приморье // Археологические открытия 1997 года. М. С. 259—261.
- Гельман Е.И., Болдин В.И., Ивлиев А.Л. 2000.** Раскопки колодца Краскинского городища // История и археология Дальнего Востока: к 70-летию Э.В. Шавкунова. Владивосток. С. 153—165.
- Гельман Е.И., Никитин Ю.Г., Болдин В.И., Ивлиев А.Л. 2001.** Исследования на городище Горбатка // Россия и АТР. Владивосток. № 1. С. 12—19.
- Государство Бохай и племена Дальнего Востока России. 1994.** М.: Наука. 219 с.

- Дунбэй лиши дили (Историческая география Северо-Восточного Китая). 1989 / под общ. ред. Сунь Цзиньцзи и Фэн Юнцзяня. Харбин: Хэйлунцзян жэньминь чубаньшэ. Т. 2. 414 с. Кит. яз.
- Дьякова О.В. 1984. Раннесредневековая керамика Дальнего Востока СССР как исторический источник IV—X вв. М.: Наука. 205 с.
- Дьякова О.В. 1998. Мохэские памятники Приморья. Владивосток: Дальнаука. 318 с.
- Жушиховская И.С. 1996. Древнее гончарство Юга Дальнего Востока России (история производства): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб. 42 с.
- Жушиховская И.С. 2004. Очерки истории древнего гончарства Дальнего Востока России. Владивосток: ДВО РАН. 312 с.
- Zhushchikovskaya I.S. 2005. Prehistoric Pottery-Making of the Russian Far East. Oxford: Archaeopress. 171 p.
- Ивлиев А.Л. 1990. Новые материалы о средневековых бронзовых дисках из Приморья // Проблемы средневековой археологии Дальнего Востока: происхождение, периодизация, датировка культур. Владивосток. С. 5—18.
- Ивлиев А.Л. 1993. Изучение государства Восточное Ся в КНР // Новые материалы по археологии Дальнего Востока России и смежных территорий. Владивосток. С. 8—17.
- Ивлиев А.Л. 2000. Шайгинская пайцза в свете данных японской летописи // История и археология Дальнего Востока: к 70-летию Э.В. Шавкунова. Владивосток. С. 181—184.
- Ивлиев А.Л., Болдин В.И., Никитин Ю.Г. 1998. Новые сведения о фортификации бохайских городищ // Археология и этнология Дальнего Востока и Центральной Азии. Владивосток. С. 152—156.
- Ивлиев А.Л., Лынша В.А. О новых находках печатей из Уссурийска (в печати).
- Ивлиев А.Л., Хорев В.А. 2006. О двух находках на Ананьевском городище // Россия и АТР. Владивосток. № 1. С. 110—112.
- История Дальнего Востока... 1989: История Дальнего Востока СССР с древнейших времен до XVII века. М.: Наука. 375 с.
- Клюев Н.А., Гарковик А.В. 2002. Особенности керамических комплексов стоянки Дальний Кут-15 в Приморье (по результатам исследований 2000—2001 гг.) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск. Вып. 3. С. 52—60.
- Клюев Н.А., Кононенко Н.А., Яншина О.В. 2003. Поселение Шекляево-7 — новый неолитический памятник в Приморье // Россия и АТР. Владивосток. № 4. С. 5—15.
- Колзунов И.В. 1996. Реконструкция кровли Абрикосовского храма // Археология Северной Пасифики. Владивосток. С. 119—126.
- Конькова Л.В. 1989. Бронзолитейное производство на Юге Дальнего Востока СССР (рубеж II—I тыс. до н.э. — XIII век н.э.). Л.: Наука. 124 с.
- Крадин Н.Н. 1990. О формационной природе Бохайского государства // Материалы по средневековой археологии и истории Дальнего Востока СССР. Владивосток. С. 18—27.
- Крадин Н.Н. 2005. Тюркские руны и проблема образования Бохайского государства // Международная конференция Фонда Когурёских исследований: когурёская история и культура. Сеул: Koguryo Research Foundation, 2005. С. 218—222. Рус. и кор. яз.

- Леньков В.Д. 1968.** К вопросу о классификации керамики Шайгинского городища // Тр. Дальневост. фил. СО АН СССР. Сер. ист. Т. 6. С. 192—195.
- Леньков В.Д. 1974.** Металлургия и металлообработка у чжурчжэней в XII веке (по материалам исследований Шайгинского городища). Новосибирск: Наука. 171 с.
- Леньков В.Д., Артемьева Н.Г. 2003.** Лазовское городище. Владивосток: Дальнаука. 284 с.
- Медведев В.Е. 1998.** Бохайская кумирня в Приморье. Сеул: Изд-во Хакъёнмунхваса. 476 с.
- Никитин Ю.Г. 1990.** Некоторые итоги исследования Осиновского селища // Проблемы средневековой археологии Дальнего Востока: происхождение, периодизация, датировка культур. Владивосток. С. 79—91.
- Никитин Ю.Г., Гельман Е.И. 2002.** Некоторые результаты исследования ранне-средневекового могильника Чернятино-5 в бассейне реки Суйфун // Археология и культурная антропология Дальнего Востока. Владивосток. С. 195—215.
- Никитин Ю.Г. Чжун Сук-Бэ. 2005.** Археологические исследования на могильнике Чернятино-5 в Приморье в 2003—2004 годах. Б.м.: ДВГТУ, Корейский государственный институт культурного наследия, 2005. 185 с. + 145 табл. илл. (Рус. и кор. яз.).
- Никитин Ю.Г. Усуки И. 2004.** Исследование бохайской могилы в окрестностях Краскинского городища // Дай:го кай. Тохоку Азия Тёса Кэнкю хохоку кай. [5-я ежегодная конференция Research Association of the Northern Asia]. Саппоро: Изд-во RAN. С. 31—32. Яп. яз.
- Окладников А.П. 1957.** Остатки бохайской столицы у г. Дунцзинчэн на р. Удэньцзян // Сов. археология. № 3. С. 198—214.
- Окладников А.П. 1959.** Далекое прошлое Приморья: (очерки по древней и средневековой истории Приморского края). Владивосток: Прим. кн. изд-во. 292 с.
- Охотники-собиратели. 2003.** Охотники-собиратели бассейна Японского моря на рубеже плейстоцена — голоцена. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН. 176 с.
- Памятники... 1982:** Памятники истории и культуры Приморского края: (аннотированный список). Владивосток: Дальневост. кн. изд-во. 247 с.
- Памятники... 1991:** Памятники истории и культуры Приморского края: материалы к своду. [М.]: Внешторгиздат. 268 с.
- Российский Дальний Восток в древности и средневековье:** открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток: Дальнаука, 2005. 695 с.
- Тупикина С.М. 1996.** Керамика чжурчжэней Приморья XII — начала XIII в. Владивосток: Дальнаука. 119 с.
- Хорев В.А. 1978.** Археологические памятники Приморского края. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во. 72 с.
- Хорев В.А. 1990.** О строительных горизонтах Ананьевского городища // Проблемы средневековой археологии Дальнего Востока: происхождение, периодизация, датировка культур. Владивосток. С. 51—72.
- Чжан Тайсян, 1981.** Дачэнцзыгучэн дяоча цзи [Об обследовании городища Дачэнцзы] // Вэньу цзыляо цункань. Пекин. Вып. 4. С. 223—227. Кит. яз.

- Шавкунов В.Э. 1993.** Вооружение чжурчженей XII—XIII вв. Владивосток: Дальнаука. 184 с.
- Шавкунов В.Э. 2000.** Средневековые городища южной части Приморского края // История и археология Дальнего Востока: к 70-летию Э.В. Шавкунова. Владивосток. С. 166—173.
- Шавкунов В.Э. 2005.** Жилище Смольнинского городища // Россия и АТР. Владивосток. № 2. С. 104—107.
- Шавкунов В.Э. 2005 а.** К вопросу о восточной границе государства Бохай // Россия и АТР. № 4. Владивосток. С. 27—32.
- Шавкунов Э.В. 1968.** Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье. Л.: Наука. 128 с.
- Шавкунов Э.В. 1973.** К характеристике жилищ чжурчженей по материалам археологических исследований 1963—1966 гг. // Материалы по истории Дальнего Востока (история, археология, этнография, филология). Владивосток. С. 72—89.
- Шавкунов Э.В. 1989.** Бронзовая верительная бирка в виде рыбки из Николаевского городища // Сов. археология. № 1. С. 267—270.
- Шавкунов Э.В. 1990.** Культура чжурчженей — удигэ XII—XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. М.: Наука. 282 с.
- Шавкунов Э.В. 1996.** Декор бохайской кровельной черепицы и его классификация // Археология Северной Пасифики. Владивосток. С. 127—144.
- Шавкунов Э.В. 1997.** Исследования на Абрикосовском селище в 1996 г. // Вестн. ДВО РАН. № 1. С. 82—85.
- Шавкунов Э.В. 1998.** Наконечники стрел Марьяновского городища // Россия и АТР. Владивосток. № 3. С. 107—113.
- Шавкунов Э.В., Шавкунов В.Э. 1998.** Новые находки: раскопки на дворе Абрикосовской кумирни и на Ауровском городище в 1997 г. // Россия и АТР. Владивосток. № 1. С. 72—74.
- Яншина О.В. 2001.** Финальный неолит — бронзовый век Приморья: систематизация археологических памятников: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток. 18 с.
- Яншина О.В., Ключев Н.А. 2005.** Поздний неолит и ранний палеометалл Приморья: критерии выделения и характеристика археологических комплексов // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток. С. 187—233.
- Cassidy J., Kononenko N., Sleptsov I., Ponkratova I. 2003.** On the Margarita archaeological culture: Bronze Age or Final Neolithic? // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии: материалы междунар. конф. «Из века в век»... Владивосток. С. 300—302.

SUMMARY: Candidates of Historical Sciences Alexander L. Ivliev and Nikolay A. Kliuev in their article “Looking into the Past: results and prospects of archaeological investigations” elucidate various aspects of archaeology, regarding them in the context of works by the researchers of the Institute of History of Far Eastern Branch of the Russian Academy of Science.